

Пролог

Большинство поворотных моментов случаются в жизни неожиданно. Иногда они проскальзывают и вовсе незамеченными, только позже вы поймете, что произошло нечто важное, если вообще поймете. Например, вы в последний раз несли своего маленького ребенка на бедре. Вы случайно обменялись взглядами с незнакомцем, и вот он уже ваш лучший друг на всю жизнь. Летом по внезапному порыву вы взяли за какую-то работу, а потом занимались ею последующие двадцать лет. Так и я вовремя не поняла, что моя жизнь совершила крутой поворот, когда 14 марта 2018 года в 18:47 зазвонил мой мобильный телефон. Помню, как выругалась себе под нос, потому что в волосах застряла одна из бигуди на липучках, а я уже опаздывала.

— Алло?

Я не могла сдержаться и улыбнулась, включив громкую связь, а Фредди почти кричал, потому что где-то за его спиной грохотали автомобили.

— Говори! — зажав в зубах заколку для волос, как можно громче произнесла я.

— Лидс, слушай, у Джоны что-то с машиной. Я собираюсь развернуться и заехать за ним. Ничего страшного, это максимум минут на десять.

Я порадовалась, что он не рядом и не видит моих вытаращенных глаз. Не принцесса ли Диана говорила, будто бы в ее браке всегда было трое? Я понимаю ее, поскольку в моей жизни творилось то же самое. Конечно, мы еще не были женаты, но дело шло к тому. Мы с Фредди Хантером обручились, и официально я была *почти* самой счастливой девушкой в мире. А почти самая счастливая именно потому, что нас всегда было трое. Я, Фредди и чертов Джона Джонс.

Конечно, и у меня день не проходил без обязательного сеанса болтовни с моей сестрой, но Элли ведь не валялась постоянно на нашем диване, попивая чай и привлекая мое внимание. Правда, нельзя сказать, чтобы лучший друг Фредди был таким уж требовательным. Он по большей части проводил время в расслабленном горизонтальном положении и даже вполне мне нравился. Только вот я предпочла бы видеть его несколько реже, понимаете? Например, сегодня вечером. Фредди пригласил Джо-ну на обед, даже не подумав спросить сначала меня, хотя это и *мой* день рождения.

Я выплюнула заколку, прекратила борьбу с липучкой и вместо того рассерженно схватила телефон:

— О боже, Фредди, разве ты обязан?! Стол в ресторане «У Альфредо» заказан на восемь, и тебе прекрасно известно, что он не будет держать место, если мы опоздаем!

Я уже знала это по собственному горькому опыту: рождественский обед с сослуживцами обернулся катастрофой, когда наш микроавтобус прибыл к ресторану на десять минут позже нужного времени и в итоге мы все отправились в «Макдоналдс». А сегодня обед в честь моего дня рождения, и я была более чем уверена, что мою маму не обрадуют бигбургеры вместо феттучини с цыпленком.

— Остынь, Золушка, на бал ты не опоздаешь! Обещаю!

В этом весь Фредди. Он не воспринимал жизнь всерьез даже в тех редких случаях, когда это стоило бы делать. В его мире время было эластичным. Фредди мог его растягивать в соответствии с собственными нуждами. Или, как в данном случае, в соответствии с нуждами Джоны.

— Ладно, — вздохнула я, сдаваясь. — Только о времени не забывай, очень тебя прошу.

— Понял, — ответил он, уже включая радио в машине. — Ни за что!

В спальне стало тихо, а я задумалась: заметит ли кто-нибудь, если просто отрезать клочок волос, намертво запутавшийся в бигуди.

Тогда он и случился. Поворотный момент моей жизни, незаметно проскользнувший мимо меня 14 марта 2018 года в 18:47.

2018 год

НАЯВУ

Четверг, 10 мая

Фредди Хантер, известный также как великая любовь моей жизни, умер пятьдесят шесть дней назад.

Вот только я проклинала его за то, что он опаздывает и губит тем самым обед в честь моего дня рождения, а в следующее мгновение уже пыталась понять, почему в моей гостиной появились две женщины-полицейские и одна из них что-то бормочет, держа меня за руку. Я смотрела на ее обручальное кольцо, потом на свое собственное.

— Фредди не может умереть, — повторяла я. — Мы женимся в следующем году.

Наверное, это сработала самозащита, поскольку мне трудно точно вспомнить, что происходило потом. Вроде ехала в полицейской машине с синими огнями в отделение скорой помощи. Сестра поддерживала меня, когда уже в больнице у меня подгибались ноги. Помню, что повернулась спиной к Джоне Джонсу, едва он появился в комнате ожидания, и на нем не было ни царапины, лишь рука висела на повязке и глаз скрыт под бинтами. Разве это справедливо? В машину сели двое, а вышел из нее только

один. Помню еще, что на мне было тогда — новая зеленая блузка, купленная специально для обеда. Потом я отдала ее в благотворительный магазин — не могла больше ее видеть.

С того ужасного дня я бесчисленное множество раз напрягала мозг, стараясь припомнить каждое слово из последнего разговора с Фредди, но только и всплывало, как ворчала на него, боясь опоздать в ресторан. Позже пришли и другие мысли. Может, он так спешил, чтобы порадовать меня? Это я виновата в аварии? Боже, как бы мне хотелось сказать ему, что я люблю его! Если бы знала, что говорю с ним в последний раз в жизни, я бы это сказала, конечно же сказала! А еще хотелось, чтобы он просто прожил достаточно долго и мы бы поболтали еще раз... но тут же думала, что вряд ли мое сердце смогло бы это выдержать. Наверное, это только к лучшему, что, когда вы в последний раз делаете что-то, такой момент пролетает, не заявив о себе. Тот последний раз, когда мама забирала меня из школы и ее рука ласково сжимала мою маленькую руку... Тот последний раз, когда отец вспомнил о моем дне рождения... И тот последний раз, когда я болтала с Фредди Хантером, а он спешил встретиться со мной в двадцать восьмой день моего рождения. И какими были его последние слова? «Ни за что». Эта его дурацкая манера бросать ничего не значащие фразы... а теперь они вдруг обрели для меня глубокий смысл.

Впрочем, это было именно в духе Фредди — что-то обещать на лету. Он обладал огромной жаждой

жизни, каким-то удивительно легким к ней отношением, вперемешку с убийственной страстью к соревнованию. Смертельно весело, если хотите. И я не встречала людей с таким даром: точно знать, что и когда нужно говорить. Он обладает — *обладал* — умением заставить собеседника думать, что он победил, хотя на самом деле именно Фредди получал то, что хотел. Он из тех... он *был* из тех, кого запоминают надолго, чье имя не забывают, когда уже и сам человек исчез.

А он, черт побери, *действительно* исчез! Его машина смялась в гармошку, врезавшись в дуб. Мне теперь все время казалось, что на моем горле кто-то туго завязал веревку, не дающую дышать. Я не могла как следует наполнить легкие воздухом, задыхалась и постоянно находилась на грани паники.

Врач наконец-то выписал мне какое-то снотворное — после того, как мама вчера накричала на него в гостиной. Запас на целый месяц. Какое-то новое лекарство, хотя он не был уверен, что следует его прописывать. По его мнению, горе нужно пережить естественным образом. Я не готова была примириться с этой чушью; те же самые слова врач уже говорил пару недель назад: тогда он отказался дать рецепт и отправился домой к своим очень даже живым жеманушке и детишкам.

То, что я жила по соседству с матерью, оказывалось в разные моменты то благом, то проклятием. Когда она, например, готовила свое знаменитое куриное рагу и приносила его нам — горячее, только

что из духовки, — или когда заглядывала по дороге на работу, чтобы холодным ноябрьским утром обрызгать ветровое стекло моей машины антиобледенителем, — ну, в такие моменты это было благом. Но в других случаях... Она могла внезапно появиться в моей спальне, словно мне все еще семнадцать лет. Причем именно в тот момент, когда я мучилась похмельем и высматривала, что бы такое проглотить... Или когда я пару дней не прибиралась в доме и она морщила нос, как будто смотрит на одну из собирательниц мусора из реалити-шоу. Тогда наша жизнь поблизости превращалась в проклятие.

Именно проклятием оказалось расположение нашего жилья, когда я пыталась погоревать в одиночестве, не раздвигая занавесок в гостиной даже в три часа дня. Я бродила в пижаме, которую она видела на мне, проводывая вчера и позавчера. Она готовила чай, который я забывала выпить, и делала сэндвичи, которые я запихивала поглубже в холодильник, пока мама убирала ванную комнату или выносила мусор.

Конечно, я все понимаю. Она яростно защищала меня, особенно в такой момент; напугала врача до смерти, когда тот не желал выписывать снотворное. И я совсем не уверена в пользе этих таблеток, если уж на то пошло. Хотя, видит Бог, мысль о том, чтобы забыться, казалась привлекательной. Не знаю, зачем я приплела здесь Бога; Фредди ведь категорический атеист... То есть всегда был атеистом, а я в лучшем случае не уверена ни в чем. Потому не думаю,

что Бог имел какое-то отношение к моей госпитализации в связи с недавно понесенной утратой. Доктор рекомендовал дополнительное лечение, наверное, из-за того, что моя матушка требовала сильных средств вроде валиума и тех новых пилюль, которые расхваливают как более мягкое, более сбалансированное средство. Если честно, мне плевать, что это такое! Я официально считаюсь самой грустной, самой усталой подопытной морской свинкой.

У нас с Фредди потрясающая кровать. Клянусь, это самый настоящий фантастический остров эпических размеров! Отель «Савой» в свое время распродавал за гроши кровати, чтобы освободить место для новых. Сначала люди недоуменно вскидывали брови: вы покупаете *чью-то старую* кровать? И мама говорила: какого черта вы это делаете? Как будто мы решили купить раскладушку в местном приюте для бездомных. Все эти сомневающиеся явно никогда не останавливались в «Савое». По правде говоря, и я тоже, но зато видела по телевизору их лежа ручной работы и знала, что просто должна заполучить такое. Это была самая удобная кровать на сотни миль в округе, и мы с Фредди бесчисленное множество раз поглощали там завтраки по воскресеньям, смеялись и занимались любовью.

Когда через несколько дней после трагического события мама сообщила, что поменяла там простыни, то невольно вызвала у меня внезапную безумную истерику. Я словно наблюдала за собой со стороны, когда царапала дверцу стиральной машины,

рыдая при виде того, как простыни крутятся в барабане, теряя последние слабые следы запаха Фредди.

Мама была вне себя; она пыталась поднять меня с пола, позвала на помощь мою сестру. Кончилось тем, что все мы сидели на голом полу кухни, наблюдая за простынями, и рыдали, ведь это чудовищно несправедливо, что Фредди уже никогда не будет спать на них.

Я не ложилась в кровать после смерти Фредди. Вообще-то, мне кажется, я и вовсе не спала толком с тех пор. Просто дремала иногда; то моя голова падала на стол рядом с нетронутым завтраком, то я сворачивалась на диване под зимним пальто жениха, вот как сейчас, то просто замирала сидя, прислонившись к холодильнику.

— Ну же, Лидс! — тербит меня сестра, мягко сжимая мое плечо. — Идем наверх!

Я смотрю на часы, ничего не соображая, потому что, когда я закрыла глаза, стоял ясный день, но теперь стемнело и кто-то, видимо Элли, включил свет. Для нее такая забота совершенно естественна. Я всегда думала о ней как об улучшенном варианте самой себя. Мы с ней одного роста и одинакового сложения, но она темнее меня — у нее темные волосы и глаза. А еще добрее меня; нередко даже слишком добра во вред себе. Элли проводила со мной большую часть дня. Этим утром заглянула еще и мамина сестра, тетя Джун. Полагаю, мама организовала смены, чтобы знать: я не остаюсь одна больше чем на час-другой. И скорее всего, на ее холодильнике висит расписание, где-то рядом со списком покупок

на всю неделю и дневником питания, который она ведет для занятий по похудению. Моя мама очень любит разные списки.

— Наверх куда? — Я немного выпрямляюсь и замечаю стакан с водой и пузырек с пилюлями в руках Элли.

— В постель! — отрезает она с легким оттенком металла в голосе.

— Мне и здесь хорошо, — бормочу я, хотя наш диван не слишком приспособлен для сна. — И вообще еще рано. Мы можем посмотреть... — Я вяло машу рукой в сторону телевизора в углу, пытаюсь вспомнить какую-нибудь мыльную оперу, и вздыхаю, раздраженная тем, что мозг не справляется с задачей. — Ну, знаешь, то, где паб, и лысые люди, и шумно...

Сестра округляет глаза и улыбается:

— Ты имеешь в виду «Жителей Ист-Энда»?

— Ну да, именно его. — Я окидываю взглядом комнату в поисках телевизионного пульта.

— Этот сериал уже закончился. И, кроме того, ты не смотрела его по крайней мере лет пять.

— Я смотрю... Там... там еще та женщина с длинными серьгами и... и Барбара Виндзор. — Я вскидываю голову.

Элли закатывает глаза:

— Обе умерли.

Бедняжки, и бедные их семьи...

Элли протягивает мне руку.

— Лидия, пора спать, — говорит она мягко, но твердо, скорее как сиделка, чем как сестра.

Мои глаза обжигает слезами.

— Вряд ли я смогу...

— Сможешь! — решительно заявляет Элли, все так же протягивая мне руку. — И что собираешься делать? Будешь всю оставшуюся жизнь спать на диване?

— А что тут плохого?

Элли садится на краешек дивана рядом со мной и берет меня за руку, положив пилюли на колени.

— Плохого — ничего, но и хорошего тоже. Ведь если бы здесь остался в одиночестве Фредди, а не ты, разве ты не желала бы ему нормально выспаться?

Я киваю. Конечно желала бы.

— Вообще-то, ты являлась бы ему до тех пор, пока бы он этого не сделал, — уточняет сестра, поглаживая мне руку.

И я чуть не задыхаюсь от слез, постоянно душащих меня со дня смерти Фредди.

Элли вытряхивает себе на ладонь ядовито-розовую пилюлю; на этикетке пузырька жирными черными буквами напечатано мое имя. Лидия Бёрд, а дальше непроизносимое название пилюль. Этим меня намерены привести в норму? Несколько недель крепкого сна и я снова буду в полном порядке?

Элли твердо смотрит мне в глаза, а по моим щекам ползут слезы при мысли о том, насколько я эмоционально и физически измотана. Или, по крайней мере, надеюсь на это, так как не думаю, что смогу выжить, если есть еще куда падать. Взяв пилюлю дрожащими пальцами, я кладу ее в рот и запиваю водой.

На пороге спальни поворачиваюсь к Элли и шепчу:

— Я должна остаться одна.

Элли отводит с моих глаз упавшие волосы.

— Ты уверена? — Ее темные глаза изучают мое лицо. — Я могу посидеть с тобой, пока ты не заснешь, если хочешь.

Я фыркаю, уставившись в пол и не смахивая слез:

— Знаю, что можешь. — Я хватаю ее руку и крепко сжимаю. — Но мне кажется, я лучше...

Не могу найти нужные слова то ли из-за пилули, которая уже начала действовать, то ли просто потому, что подходящих слов не существует.

— Буду внизу, — кивает Элли, — если вдруг тебе понадобится, ладно? Я никуда не уйду.

Мои пальцы обхватывают ручку двери. Я держу эту дверь закрытой с того самого дня, как мама поменяла постельное белье. Не хочу даже случайно увидеть свежую постель, когда иду в ванную. Я мысленно очертила здесь запретную зону, как ограждают желтой лентой место преступления.

— Это просто кровать, — шепчу я, распахивая дверь.

Передо мной нет желтой полицейской ленты, а под кроватью не прячутся чудовища. Но и Фредди Хантера там тоже нет, и это разбивает сердце.

— Просто кровать, — подтверждает Элли и гладит меня по спине. — Чтобы отдохнуть.

Она лжет. Мы обе знаем, что это нечто большее. Именно эта комната — моя и Фредди спальня —

стала одной из многих причин для покупки этого дома. Просторная, днем залитая светом благодаря большим окнам с раздвижными рамами и медового цвета дощатым полом, в ясные ночи она становилась полосатой из-за лунного света и теней от рам.

Кто-то, предположительно Элли, уже включил лампу у кровати, и меня приветствовало озерцо золотистого света, хотя солнце еще не совсем скрылось. И постель уже приготовили — прямо как в отеле... Когда я закрыла за собой дверь, меня окутал аромат свежего белья. И никаких следов аромата моего парфюма, смешавшегося с запахом лосьона после бритья, которым пользовался Фредди. Никаких смятых рубашек, небрежно брошенных в кресло, или ботинок, отлетевших до самого гардероба. Все аккуратно до невозможности, будто я гостя в собственной жизни.

— Это просто кровать, — снова шепотом повторяю я, садясь на самый краешек.

Закрываю глаза, ложусь и съеживаюсь под одеялом на своей половине.

Мы проводили в этой кровати из «Савоя» слишком много времени; белые хлопковые простыни значили куда больше, чем я предполагала. Когда мое тело коснулось их, они оказались теплыми: Элли положила в кровать грелку. Моя милая сестра изгнала прохладу простыней. Моя постель, *наша* постель, обняла меня, как старый друг, и мне стало стыдно из-за того, что я так долго ею пренебрегала.

Я лежала на своей стороне, мое тело разваливалось, терзаясь болью потери, руки потянулись

в поисках Фредди. Потом я сдвинула грелку на его сторону, согрев простыни до того, как передвинулась туда сама, и прижала ее к груди обеими руками. Я зарылась лицом в подушку и завывала, как раненый зверь, и это был звук чужой и неуправляемый.

Через какое-то время я затихла. Сердце стало биться ровнее, руки и ноги налились свинцовой тяжестью. Я согрелась, закуталась в одеяло и впервые за пятьдесят шесть дней не чувствовала себя потерянной без Фредди. Одиночество исчезло, потому как, едва я погрузилась в сон, почти ощутила тяжесть его тела, давящую на матрас, и то, как он прижимается ко мне, и почувствовала его дыхание на своей шее. Фредди Хантер, спаси меня от этой тьмы, от этих неведомых вод! Я прижала его к себе, вдохнула его и заснула мирно и глубоко.

ВО СНЕ

Пятница, 11 мая

Вам знакомы эти блаженные мгновения рассвета, моменты летнего утра, когда солнце встает раньше вас, а вы приподнимаетесь — и тут же снова падаете и засыпаете, радуясь возможности подремать еще? Я поворачиваюсь и вижу Фредди, спящего рядом со мной, и облегчение столь велико, что я могу только лежать совершенно неподвижно и стараюсь попасть в ритм его дыхания. Сейчас пятый час утра, слишком рано, чтобы вставать, потому опять закры-

ваю глаза. Не думаю, что когда-либо еще испытывала такой абсолютный покой. Постель согрета нашими телами, золотистый полусвет перед восходом солнца наполняет спальню, слышно приглушенное птичье пение. Пожалуйста, не дайте мне потерять этот сон...

НАЯВУ

Пятница, 11 мая

Еще до того, как открыть глаза во второй раз, я знаю, что его нет. Постель холоднее, солнце в шесть утра светит резче, щебет птиц звучит как скрип железа по стеклу. Фредди был здесь, я знаю, что был. Утыкаюсь лицом в подушку и плотно закрываю глаза, всматриваюсь в темноту за веками, чтобы снова заснуть. Если засну — я смогу найти его.

В глубине живота нарастает булькающая паника; чем упорнее я стараюсь расслабиться, тем сильнее мой мозг оживает, готовясь к предстоящему дню, полному мрачных мыслей и отчаяния, с которыми я просто не знаю, что делать. А потом сердце подпрыгивает, и этот прыжок включает сознание, и я вспоминаю: у меня есть снотворное. Розовые пилюли, предназначенные специально для того, чтобы отключить меня. Тянусь к бутылочке, которую Элли поставила на прикроватную тумбочку, и с облегчением хватаю ее обеими руками, отвинчиваю крышку и глотаю одну пилюлю.

ДЖОЗИ СИЛВЕР

ВО СНЕ

Пятница, 11 мая

— Лидс, с добрым утром! — Фредди переворачивается и целует меня в лоб, его рука тяжело ложится на мое плечо, и тут наш будильник сообщает, что уже семь утра. — Останемся в постели? Позволим, скажем, что заболели...

Нечто похожее он говорит почти каждое утро, и пару минут мы оба делаем вид, что обдумываем идею.

— Приготовишь нам завтрак в постель? — бормочу я, обнимая его теплое тело и прижимаясь лицом к мягким волосам на его груди.

Его тело обладает твердостью, и я люблю это; Фредди высокий и широкоплечий... Коллеги в рекламном агентстве, где он работает, в силу стереотипов иногда недооценивают его деловые способности — он ведь сложен, как игрок в регби. Фредди же только радуется, используя это к своей выгоде. Он обожает соревноваться.

— Да, если тебе хочется позавтракать в полдень.

Прижимаясь ухом к его груди, я и слышу, и ощущаю его смех, а он гладит меня по голове.

— Звучит неплохо. — С закрытыми глазами я глубоко вдыхаю его запах.

Еще несколько минут мы лежим так, позволяя себе немножко изумительной лени, зная, что вскоре придется встать. Мы медлим, потому что эти моменты важны для нас, они отделяют нас от мира.

Эти моменты — фундамент, на котором стоит наша любовь, невидимый плащ на наших плечах, когда мы выходим в свет, чтобы заниматься делами. И Фредди никогда не ответит на кокетливый взгляд потрясающей девицы на четвертой платформе, где он ждет поезда в 7:47. А я никогда не позволю Леону, баристе из кафе, куда иногда захожу на ланч, пересечь линию допустимого флирта, хотя он выглядит потрясающе, словно кинозвезда, и порой пишет на моей кофейной чашке возмутительные словечки.

Я рыдаю. Несколько секунд не понимаю почему, а потом все осознаю и жадно хватаю воздух, как человек, только что вырвавшийся на поверхность после падения в глубокую воду.

Фредди испуган. Резко приподнявшись на локте, он смотрит на меня, на его лице тревога, когда он сжимает мое плечо:

— Лидс, в чем дело?

В его голосе настойчивость, готовность помочь, успокоить, избавить от любой боли.

Горло сводит судорога, в груди горит огонь.

— Ты умер...

Я со всхлипом выдыхаю эти слова, мои глаза всматриваются в любимое лицо в поисках следов катастрофы. Но их нет, никаких намеков на фатальную травму головы, отнявшую у него жизнь. Глаза Фредди необычайно синие, настолько темные, что их можно было бы принять за карие, пока не присмотришься как следует. Иногда, для важных случаев на работе, он надевает очки в черной оправе — очки с простыми стеклами, но они создают иллюзию

слабости, которой у моего жениха нет и в помине. Я сейчас смотрю в эти глаза и провожу ладонью по отросшей светлой щетине на его подбородке.

Из груди Фредди вырывается мягкий смех, в глазах вспыхивает облегчение.

— Ты просто глупышка, — произносит он, прижимая меня к себе. — Ты спишь, только и всего.

Ох, как бы мне хотелось, чтобы это оказалось правдой! Я качаю головой, и Фредди берет мою руку и прижимает к своей груди.

— Чувствуешь? Я в порядке, — настойчиво говорит он. — Чувствуешь? У меня бьется сердце.

Так оно и есть. Моя ладонь прижата достаточно крепко, чтобы ощутить биение сердца, и все равно я знаю, что на самом деле это не так. Не может быть так. Фредди накрывает мою руку своей, он уже не смеется, потому что видит, насколько я расстроена. Конечно, он не понимает. Да и как ему понять? Фредди же не настоящий. Но, боже, это совершенно не воспринимается обычным сном! Я проснулась во сне. Ощущаю тепло его тела. Вдыхаю легкий запах лосьона, исходящий от его кожи. Чувствую вкус собственных слез, когда Фредди наклоняется ко мне и нежно целует. Не могу перестать плакать; я сдерживаю дыхание, обнимая любимого, как будто он соткан из дыма и улетучится, если вдруг вздохну слишком сильно.

— Просто ночной кошмар, вот и все, — шепчет он, поглаживая меня по спине, позволяя выплакаться, ведь это единственное, что он может сделать.

Если бы только он знал, что это прямая противоположность страшному сну. Это кошмар, обрушив-

шийся на вас, когда вы с нетерпением ждете своего жениха на день рождения, а ваша семья уже собралась около ресторана на Хай-стрит...

— Я тоскую по тебе. Я так по тебе тоскую...

Не могу сдерживать дрожь, и Фредди обнимает меня, на этот раз по-настоящему крепко, и говорит, как меня любит, и что он в порядке, и мы оба в порядке...

— Ты опоздаешь на работу, — шепчет он через несколько минут.

Я лежу неподвижно, глаза закрыты, пытаюсь вспомнить ощущение его рук на своем теле, когда просыпаюсь.

— Остайся, — молю я. — Остайся здесь навсегда.

Его рука ложится на мой затылок, он поворачивает мою голову так, чтобы заглянуть в глаза.

— Я бы и сам хотел. — На его губах скользит нечто вроде улыбки. — Но ты знаешь, что не могу. Утром встреча с кофейными королями.

— Кофейные короли?

Фредди вскидывает брови:

— Кофейная фирма! Помнишь, я тебе рассказывал? Они всегда приходят на встречи в бейсболках и футболках с изображением зеленых светящихся кофейных зерен.

— И как только я могла забыть, — говорю я, хотя все равно не понимаю, о ком речь.

Фредди отодвигается от меня, целует в щеку:

— Остайся здесь. — (В его глазах я читаю заботу.) — Ты никогда не берешь выходных. Возьми сегодня, ладно? Принесу тебе чай.